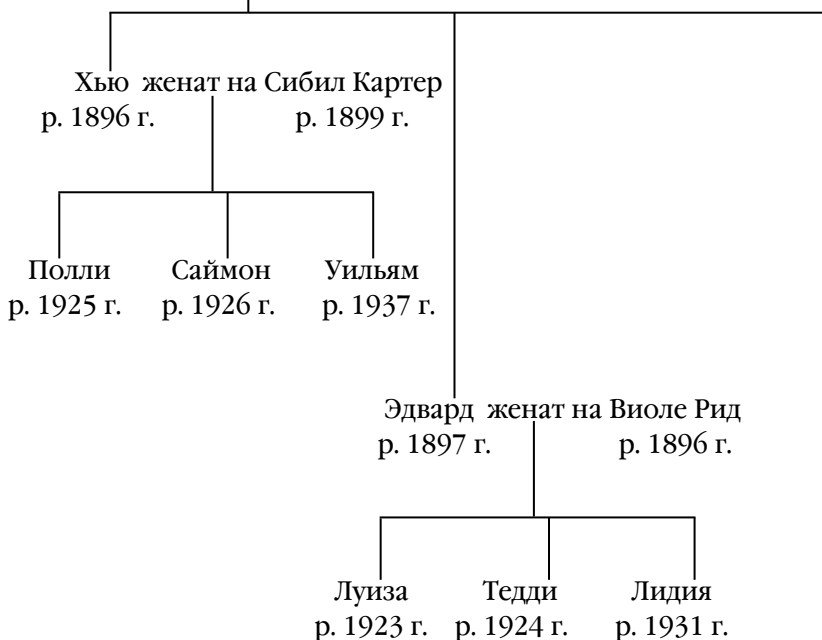

ХРОНИКА СЕМЬИ

КАЗДЛЕТ

Посвящается Дженнер Рот

Уильям Казалет женат на Китти Барлоу
р. 1860 г. р. 1867 г.

Генеалогическое древо семьи КАЗАЛЕТ

СЕМЬЯ КАЗАЛЕТ, ЕЕ РОДСТВЕННИКИ И ДОМОЧАДЦЫ

Уильям Казалет (Бриг)
Китти (Дюши), его жена
Рейчел, их незамужняя дочь

Хью Казалет, старший сын
Сибил, его жена
Полли,
Саймон, } их дети
Уильям (Уиллс) }

Эдвард Казалет, второй сын
Вилли, его жена
Луиза, } их дети
Тедди, }
Лидия }

Руперт Казалет, третий сын
Зоуи (его вторая жена;
первая, Изобел, скончалась
родами Невилла)
Кларисса (Клэри), } дети
Невилл } Руперта
и Изобел

Джессика Касл (сестра
Вилли)
Реймонд, ее муж
Анджела,
Кристофер, } их дети
Нора, }
Джуди }

Миссис Криппс (кухарка)
Айлин (старшая горничная)
Пегги и Берта (горничные)
Дотти (судомойка)
Тонбридж (шофер)
Макалпайн (садовник)
Рен (конюх)
Билли (подручный
садовника)

Няня
Инге (горничная-немка)
Эмили (кухарка)
Филлис (старшая горничная)
Эдна (горничная)
Няня
Бракен (шофер)
Эди (поденщица в загород-
ном доме)
Эллен (няня)

ЧАСТЬ 1

ЛЭНСДАУН-РОУД, 1937 ГОД

День начался без пяти семь, когда будильник, который мать подарила Филлис в честь ее поступления на службу, сработал и звонил, звонил, пока она не заставила его умолкнуть. На второй скрипучей железной койке Эдна застонала, рывком отвернулась и уткнулась в стену; даже летом она терпеть не могла вставать рано, а зимой с нее порой и вовсе приходилось одеяло стаскивать. Филлис села, расстегнула сетку для волос и принялась снимать папильотки: вчера ей дали выходной на полдня, и она вымыла волосы. Выбравшись из постели, она подобрала пуховое стеганое одеяло, свалившееся ночью на пол, и отдернула занавески. Солнечный свет освежил и обновил комнату: перекрасил линолеум в цвет ирисок, сделал сизыми щербинки белого эмалевого кувшина на умывальном столике. Филлис расстегнула фланелевую ночную рубашку и вымылась так, как ее учила мать: лицо, руки, а потом, круговыми движениями, — под мышками, периодически окуная фланелевую мочалку в холодную воду. «Давай быстрее», — бросила она Эдне, слила грязную воду в ведро и начала одеваться. Скинула ночную рубашку, осталась в нижнем белье, натянула через голову утреннее платье из темно-зеленого ситца. Потом спрятала под чепчик нерасчесанные локоны-колбаски и завязала на талии передник. Эдна, которая по утрам мылась не так тщательно, ухитрилась одеться наполовину, даже не вылезая

из постели, — напоминание о зиме (отопления в комнате не было, а окно девушки отродясь не открывали). К десяти минутам восьмого обе были готовы тихонько спуститься и пройти через спящий дом. На втором этаже Филлис заглянула в спальню, распахнула шторы и услышала, как нетерпеливо начал возиться в своей клетке волнистый попугайчик.

— Мисс Луиза! Четверть восьмого.

— Ох, Филлис!

— Вы же сами просили разбудить вас.

— А день хороший?

— Даже солнце выглянуло.

— Сними покрывало с Ферди.

— Не сниму — так вы быстрее сами встанете.

В кухне на цокольном этаже Эдна уже поставила чайник и перенесла чашки для прислуги на выскобленный дочиста стол. Чай был заварен в двух чайниках: темно-коричневом в полоску — для горничных и кухарки Эмили, которой Эдна отнесла чашку, — и белом, минтонского фарфора, который вместе с такими же чашками, блюдцами, молочником и сахарницей предстояло доставить на подносе наверх. Приносить ранним утром чай для мистера и миссис Казалет было обязанностью Филлис. Потом она забирала немытые кофейные чашки и бокалы из гостиной, а Эдна принималась проветривать и убирать ее. Но первым делом следовало самим выпить по чашечке обжигающе-горячего, крепкого индийского чая. Наверху пили китайский, о котором Эмили говорила, что ни в рот его не берет, ни на дух не переносит. Чай пили стоя, еще до того, как в нем успевал раствориться размешанный сахар.

— Как твой прыщик?

Филлис опасно потрогала крыло собственного носа.

— Вроде проходит понемногу. Хорошо, что не выдавила.

— Я же тебе говорила. — Эдна, у которой не было прыщей, считалась неоспоримым авторитетом во всем, что ним относилось. Ее советы, многословные, бесплатные и противоречивые, как ни странно, утешали: в них Филлис чувствовала живой интерес.

— Ну, нас прыщи богачками все одно не сделают.

Ничто другое тоже, мрачно подумала Эдна, зато Филлис — счастливая, хоть и с лицом у нее беда. Эдна считала мистера Казалета прямо душкой, глаз не отвести, вот только не *она*, а Филлис каждое утро видела его в пижаме.

* * *

Как только за Филлис закрылась дверь, Луиза выскочила из постели и сдернула покрывало с птичьей клетки. Попугай заметался, притворяясь напуганным, но она-то знала, что это от радости. Комнате Луизы, обращенной к саду за домом, почти не доставалось утреннего солнца, и ей казалось, что так для попугая даже лучше, поэтому она держала клетку на столе возле окна, рядом с аквариумом для золотой рыбки. Комната была маленькой, битком набитой имуществом Луизы. Здесь были: театральные программы, розетки и два крошечных кубка, выигранных на джимханах¹, фотоальбомы, самшитовый комодик с неглубокими ящиками, в которых она хранила коллекцию ракушек, фарфоровые зверята на каминной полке, вязание — на комодe, рядом с драгоценной губной помадой от *Tangee* — ярко-оранжевой в тубе, но розовой на губах, охлаждающий крем *Pond's* и коробочкой талька «Калифорнийский мак», лучшая теннисная ракетка, но главное — книги: от «Винни-Пуха» до последних, самых ценных приобретений, двух изданных в «Файдон-пресс»

¹ Джимхана — разновидность состязаний в конном спорте, зачастую шуточных (*Здесь и далее прим. пер.*).

томов репродукций Гольбейна и Ван Гога — ее нынешних фаворитов. Здесь был и комод, полный одежды, в основном еще не ношенной, и письменный стол — подарок отца на прошлый день рождения, как выяснилось, с каким-то уникальным рисунком древесины, вместилище ее самых тайных сокровищ: фотографий Джона Гилгуда с *автографом*, украшений, тощей пачечки писем, присланных ей братом Тедди из школы (бестолковых, дурашливых, но все-таки единственных писем, полученных ею от мальчика), и коллекции сургучей — по ее мнению, крупнейшей в стране. Был в комнате и большой старый сундук, набитый маскарадными нарядами: отвергнутыми вечерними платьями матери, стеклярусом, шифоном и атласом, жакетами тисненого бархата, газовыми, неявно-восточными шарфами и шальями неких былых времен, замусоленными игривыми боа из перьев, расшитым вручную китайским халатом, привезенным из путешествия кем-то из родственников, атласными шароварами и туниками. Барахлом, прямо-таки созданным для домашних театральных постановок. Когда сундук открывали, из него пахло древностью, нафталином и предвкушением — этот последний, слегка металлический оттенок запаха Луиза приписывала обилию потемневшей золотой и серебряной канители в отделке костюмов. Маскарады и театр — это для зимы, а сейчас шел июль, приближались бесконечные и дивные летние каникулы. Луиза надела льняную тунику и рубашку от *Aertex* — алую, свою любимую — и отправилась выгуливать Дерри.

Дерри ей не принадлежал. Ей не разрешали заводить собаку, и она, отчасти чтобы поддерживать в себе вызванное этим запретом недовольство, каждое утро водила на прогулку вокруг квартала дряхлого бультерьера соседей. Еще одной причиной этих прогулок было то, что Луизу завораживал дом, в котором жил Дерри. Огромный, видный из глубины ее сада и совершенно непохо-

жий на ее собственный или дома ее подруг. Детей в нем не было. Слуга, который впускал Луизу, всегда уходил, чтобы привести Дерри, и ей хватало времени побродить по черно-белым мраморным плиткам холла, заглянуть в открытые двустворчатые двери галереи и в гостиную за ней. Каждое утро в этой комнате она видела беспорядок, как после роскошного приема гостей: пахло египетскими сигаретами вроде тех, которые курила тетя Рейчел, повсюду всегда стояли цветы с крепким ароматом (гиацинты весной, лилии сейчас, гвоздики и розы зимой), валялись пестрые шелковые подушки, и повсюду — десятки бокалов, открытые коробки шоколадных конфет, иногда ломберные столы с колодами карт, блокнотами для записи очков и карандашами, украшенными кисточками. В гостиной царили вечные сумерки, кремовые шелковые шторы были наполовину задернуты. Луизе казалось, что хозяева дома, которых она никогда не видела, скорее всего, баснословно богатые иностранцы и, наверное, декаденты.

Гулять с Дерри, которому, как говорили, уже тринадцать лет, а значит, девяносто один по таблице собачьих возрастов, которую Луиза составила сама, было довольно скучно, поскольку он мог лишь плестись, поминутно останавливаясь у каждого фонарного столба, но Луизе нравилось вести собаку на поводке, по-хозяйски улыбаться прохожим. Пусть думают, что это ее собака. И к тому же она жила надеждой когда-нибудь застать кого-то из хозяев дома или их друзей-декадентов *отключившись* в гостиной и хорошенько рассмотреть их. Прогулка была недолгой, потому что ей полагалось упражняться час до завтрака, до восьми сорока пяти, а потом еще принять холодную ванну — папа считал, что это ей полезно. В свои четырнадцать лет Луиза иногда чувствовала себя очень юной и готовой ко всему, а иногда — истомленной годами, изнуренной, когда требовалось сделать то, чего от нее ждали.